

© 2010 г.

А.М. ФОМИН

ДЕРЖАВЫ АНТАНТЫ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК В 1918 – 1923 годах

Первая мировая война дала мощнейший толчок развитию национализма как значимого фактора международных отношений. К национальным чувствам апеллировали и официальные власти воюющих держав, и лидеры национальных движений в полиэтничных империях, которые связывали с войной надежды на создание независимых государств. Ближе к концу войны на первый план вышла именно “сепаратистская” ипостась национализма. “Принцип самоопределения” был провозглашен в качестве одной из основ будущего урегулирования президентом США В. Вильсоном. С этим фактором не могли не считаться и “старые” державы Антанты – Великобритания и Франция. Вильсон, правда, формулировал этот принцип достаточно осторожно, никогда не доводя его до универсального “права на отделение и образование собственного государства”. Однако, как отмечает британский историк Э. Хобсбаум, “мирные соглашения 1918 – 1919 гг. действительно пытались претворить этот (национальный. – А.Ф.) принцип в жизнь, насколько это вообще было возможно... Ни до, ни после Версаля, ни в Европе, ни где-либо еще не предпринимались столь же целенаправленные и систематические попытки переkreить политическую карту по национальному принципу”¹.

По широко распространенному убеждению, мирная конференция, созванная по окончании войны, не должна была повторить порочную практику Венского конгресса и вообще “старой дипломатии”. По выражению того же Вильсона, “народы и области не должны быть предметом размена и торга между государями, как скот и пешки в шахматной игре”. Наряду с идеей Лиги наций “принцип самоопределения” пользовался сразу после войны огромной популярностью не только в общественном мнении, но и у многих будущих участников Парижской конференции². Важнейшей особенностью национализма после 1918 г. было размывание “порогов” его применимости. Если раньше существовала распространенная теория об “исторических” и “неисторических” нациях, из которых только первые имеют какие-либо политические права, то теперь “право голоса” в теории признавалось за всеми этническими группами.

Итоги парижской мирной конференции, породившей десятки новых “Эльзас-Лотарингий” наглядно продемонстрировали всю опасность использования принципа национального самоопределения в качестве одной из основ системы международных отношений. Особенно много проблем вызвали попытки применить этот принцип к неевропейским территориям – прежде всего, к азиатским владениям Османской империи. Само участие империи в войне привело к крайне взрывоопасному соединению этнического национализма с многовековой межконфессиональной напряженностью. В самой крайней форме это проявилось в политике массовых расправ и “депортаций” по отношению к христианскому населению восточной части страны. Подобно Балканам

Фомин Александр Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новая и новейшая история исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998, с. 210–211.

² *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 52–53.

здесь налицо были этническая чересполосица, непомерные амбиции национальных лидеров, закулисная игра великих держав. Все это дополнялось чисто местной спецификой – пестрым конфессиональным составом населения, глубокими различиями в экономическом развитии и хозяйственном укладе не только соседних народов, но и разных частей одного народа, значительной долей кочевого населения, общей экономической отсталостью региона. Поскольку универсализм вильсоновских принципов предполагал их применимость, в том числе, и на Ближнем Востоке, в процессе мирного урегулирования “национальная” фразеология неизбежно должна была играть не меньшую роль, чем в Европе.

В отечественной историографии интерес к ближневосточному региону возник еще в 1920-е годы. Наиболее авторитетным автором, писавшим на эти темы, тогда был В. Гурко-Кряжин, автор предисловия и комментариев к русскому изданию воспоминаний М. Кемалья³. После него усилия советских историков-востоковедов были нацелены, в первую очередь, на изучение истории национально-освободительного движения. При этом в советской историографии четко выделялось два направления. Одни авторы такие, как А.Ф. Миллер, Д.Н. Филиппенко, А.В. Азимов, А.М. Шамсутдинов, Н.З. Эфендиева⁴ уделяли главное внимание турецкому национальному движению во главе с М. Кемалем, а другие М.С. Лазарев, Р.Г. Саакян⁵ – национальным движениям нетурецких народов Османской Империи. Авторы первой группы, как правило, осуждают западные державы за стремление к захвату или экономическому порабощению Турции, а историки второй группы – за фактический сговор с кемалистами за счет национальных меньшинств. Вместе с тем советские востоковеды достигли больших успехов в раскрытии характера и глубинных причин ближневосточной политики Великобритании (М.С. Лазарев) и Франции (Д.Н. Филиппенко, Р.Г. Саакян). Едва ли не единственной специальной работой на русском языке, посвященной взаимоотношениям Великобритании и Франции на Арабском Востоке, остается статья В.Б. Луцкого⁶. Однако даже самое добросовестное изучение истории отдельных национальных движений не может заменить собой сравнительного анализа их роли в развитии международных отношений после Первой мировой войны. В настоящей работе предпринимается попытка такого анализа.

Мы попытаемся определить, какую именно роль играл фактор этнического национализма в процессе формирования Версальского международного порядка в обширном регионе от черноморских Проливов до Красного моря и пустынь Аравии, который до войны оставался под властью османского государства. Для этого рассмотрим наиболее важные аспекты его использования в политике Великобритании и Франции на Ближнем Востоке сразу после окончания Первой мировой войны.

* * *

После окончания военных действий англичане могли себя чувствовать хозяевами на всей территории Османской империи. Мудросское перемирие (30 октября 1918 г.) не только передавало под полный контроль Антанты уже занятые ее войсками земли, но и давало ей возможность оккупировать по своему усмотрению любые “стратегиче-

³ Кемаль М. Путь новой Турции. 1919–1927, т. 1–4. М., 1929–1934, т. 1, с. XIX–LXIV.

⁴ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. – Л., 1948; *его же*. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. *Филиппенко Д.М.* Турецко-французские видности в период национально-визвольной войны в Туреччине (1918–1922). (Автореф. канд. дисс.). Київ, 1964; *Азимов А.В.* Турция в международных отношениях 1918 – 1922 гг. (Автореф. канд. дисс.). Киев, 1965; *Шамсутдинов А.М.* Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923. М., 1966; *Эфендиева Н.З.* Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии. Баку. 1966.

⁵ *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1972; *Саакян Р.Г.* Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918–1923 гг. Ереван, 1986.

⁶ *Луцкий В.Б.* Арабский вопрос и державы-победительницы в период Парижской мирной конференции (1918–1919). – Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.

ческие пункты” и, что особо оговаривалось, любую часть “армянских вилайетов”⁷. Британские войска уже контролировали Палестину, Сирию и Месопотамию. На западе Аравийского полуострова возникло союзное англичанам королевство Хиджаз. В Константинополь вскоре после перемирия были введены англо-французские войска, а в Проливы – военные корабли, но англичане быстро обеспечили себе фактически полное преобладание в турецкой столице и в Проливах. Вне их прямого контроля оставалась только Анатолия, которой они рассчитывали управлять через послушное султанское правительство. Французское присутствие англичане допускали лишь в той степени, в какой сами считали нужным. Перспектива создания грандиозной “ближневосточной империи”, которая соединила бы британские владения и зависимые территории в Африке и в Индии, казалось, была близка к осуществлению. Однако не все было так просто.

Великобритания к концу войны была связана множеством обязательств, так или иначе затрагивавших территорию Османской империи. С Францией в 1916 г. было заключено соглашение Сайкса – Пико. Оно делило большую часть азиатских владений султана на английскую (“красную”) и французскую (“синюю”) зоны прямого контроля, а также французскую (А) и английскую (В) сферу влияния. В зонах А и В предполагалось создание “арабского государства или конфедерации таких государств”. В особую международную (“коричневую”) зону выделялась Палестина. Под управление Франции попадало побережье Сирии, Киликия и часть Анатолии, а в ее “сферу влияния” – внутренние районы Сирии и Мосул. Под управление Великобритании передавались районы Басры и Багдада, а в ее “сферу влияния” – широкая полоса от Иордана до персидской границы⁸. В декабре 1918 г. премьер-министр Франции Ж. Клемансо согласился на модификацию этого соглашения за счет “уступки” англичанам Мосула и Палестины.

В то же время Великобритания с 1915 г. имела обязательства перед “шерифом” Мекки Хусейном аль-Хашими, который стал королем Хиджаза и мечтал возглавить огромное арабское государство от Индийского океана до линии Мерсина – Адана – 37° северной широты – Мардин – Амадия. Англичане, нуждавшиеся в союзнике в турецком тылу, в принципе не возражали против этих притязаний, лишь оговорив в нескольких туманных выражениях собственные притязания на Месопотамию и французские – на Киликию и сирийское побережье. Хусейн готов был пойти навстречу англичанам, но слышать не хотел о французах⁹. Его сын эмир Фейсал все же возглавил “арабское восстание” против турок. В конце войны он занял Дамаск и организовал там при поддержке англичан собственное правительство, контролировавшее внутренние районы Сирии¹⁰ (формально – “восточная” оккупационная зона). Эмир сразу оказался в остром конфликте с французами, контролировавшими, с ведома и согласия англичан, сирийское побережье и район Аданы в Киликии (“западная” и “северная” зоны)¹¹. Наконец, еще в 1917 г. британское правительство незадолго до взятия Иерусалима в известной “декларации Бальфура” обязалось содействовать созданию “еврейского национального очага” в Палестине¹².

⁷ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, в 3-х ч. М., 1926–1928, ч. 2, с. 188–189.

⁸ Международная политика, ч. 2, с. 37–43; Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP). 1919–1939, ser. 1, v. I–VIII. London, 1947–1970, v. IV, p. 241–251.

⁹ Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине: документы и материалы. М., 2008, с. 107, 116, 118, 121–124.

¹⁰ *Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria.* Beirut, 1960, p. 32–33.

¹¹ Раздел “окупированных вражеских территорий” на оккупационные зоны был произведен в соответствии с приказом генерала Алленби, который опирался на достигнутое еще в сентябре англо-французское соглашение: E. Allenby to War Office, 23/10/1918. – Records of Syria 1918–1973 (далее – RS), v. 1. London, 2000, p. 201.

¹² Об истории Декларации Бальфура см.: *Лакер В. История сионизма.* М., 2000, с. 267–285.

Поскольку после Октябрьской революции тайные договоры, включая соглашение Сайкса – Пико, стали достоянием гласности, англичане считали необходимым свести на нет их отрицательное воздействие, прежде всего на арабов. Но лишь к ноябрю 1918 г. им удалось убедить французов издать совместную декларацию в отношении арабских земель, которая была бы созвучна столь популярным идеям самоопределения, и вместе с тем оставляла бы возможность для активной деятельности великих держав. В декларации утверждалось, что единственная цель, которую Великобритания и Франция преследуют в арабском мире – “полное и несомненное освобождение народов, так долго терпевших угнетение турок, и основание национальных правительств и администраций, авторитет которых опирается на инициативу и свободный выбор местного населения”. Обе державы намеривались лишь оказывать арабам помощь в создании таких “правительств и администраций”¹³. С точки зрения Великобритании необходимость такой декларации была вызвана также предстоящими переговорами с участием В. Вильсона, который объявил о непризнании тайных соглашений. Англичане и сами не прочь были отказаться от соглашения Сайкса – Пико, которое, по их мнению, отдавало французам слишком много. Ссылка на национальное самоопределение подходила для этого как нельзя лучше. Французы пошли на опубликование такой декларации без особой охоты. Еще при ее подготовке глава МИД С. Пишон признавался, что нужно было “избежать разочарования среди наших арабских союзников, когда дело дойдет до применения этих принципов, и не вызывать у них устремлений и надежд, противоположных нашим взглядам на будущее”¹⁴.

Еще накануне открытия мирной конференции англичанами была предложена формула “мандатов Лиги наций”, которая должна была примирить непримиримое – национальное самоопределение и территориальные амбиции великих держав. Уже 30 января “Советом Десяти” была одобрена резолюция, в которой, в частности, провозглашалось намерение Антанты оторгнуть от Турции Армению, Сирию, Палестину, Аравию и Курдистан¹⁵ с установлением там мягкой формы мандатного управления (конкретные державы-мандатарии не назывались). На ближневосточных землях должны были действовать мандаты группы “А”, предполагавшие наибольшую степень самостоятельности подмандатных территорий, что выражалось следующей формулой: “некоторые общества, ранее принадлежавшие Турецкой Империи, достигли такой степени развития, при которой их существование как независимых наций может быть предварительно признано при условии поддержки и административных советов со стороны Мандатария до того момента, пока они не смогут существовать самостоятельно. Пожелания этих обществ должны учитываться в первую очередь при выборе Мандатария”¹⁶. Впоследствии эта формула без изменений вошла в Устав Лиги наций (ст. 22). В тот момент вряд ли кто-нибудь имел четкое представление, что же будет на практике представлять собой “мандат”.

* * *

Первые недели Парижской конференции внешне выглядели как настоящее торжество принципов национального самоопределения. Перед “Советом Десяти” длинной чередой проходили многочисленные делегации малых стран и национальных групп. Зачитывались длинные меморандумы с политическими и территориальными требованиями, выполнение которых “жизненно необходимо” для того или иного народа. Для лидеров Антанты этот “парад делегаций” был своеобразным смотром потенциальных союзников, самоопределение которых должно было помочь им в достижении

¹³ Переписка Мак-Магона – Хусейна, с. 187 – 188; RS, v. 1, p. 208; S. Pichon á P. Cambon. – Palestine Bounderies, 1833–1947 (далее – PB), v. 2. London, 1968, p. 132.

¹⁴ S. Pichon á P. Cambon, 2/10/1918. – PB, v. 2, p. 128.

¹⁵ Курдистан в первоначальном тексте не фигурировал и был добавлен по инициативе Д. Ллойд Джорджа в резолюцию позднее.

¹⁶ Архив полковника Хауза, т. 4. М., 1937, с. 122–123; Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1–2. М., 1957, т. 1, с. 460–462.

их собственных целей. Многие из этих требований напрямую затрагивали судьбу османских владений. Фейсал от имени арабов повторял требования своего отца почти четырехлетней давности – арабское государство от Индийского океана до Александретты (Искендеруна) и Диарбекира¹⁷. Приглашенная французами сирийская делегация тут же требовала создания при поддержке Франции “единой Сирии” от того же Тавра до Аравийской пустыни, но без всякого участия аравийских “бедуинов”¹⁸. Посланцы Горного Ливана просили об автономии при поддержке Франции в составе той же “единой Сирии”¹⁹. Глава сионистов Х. Вейцман настаивал на создании с британской помощью обширного еврейского “национального очага” на обоих берегах Иордана. Однако представитель французских евреев возражал, что далеко не все евреи разделяют идеи сионизма²⁰. Греческий премьер-министр Э. Венизелос предъявил претензии на весь запад Малой Азии, который был “греческим по своим историческим и географическим условиям”²¹. Совместная делегация “русских” и “турецких” армян требовала создания Великой Армении от Черного моря до Средиземного²². Наконец, курдский деятель Шериф-паша представил меморандум с требованием создать курдское государство на востоке империи, включая почти все земли, на которые претендовали армяне²³.

Однако “триумф национализма” был неполным. Далеко не все желающие смогли предстать перед сильными мира сего в Париже. Представители ассирийцев стараниями англичан так и не были допущены на конференцию, поскольку не имели “достаточных полномочий”²⁴. Делегация Египта, все еще формально входившего в Османскую империю, не смогла даже отплыть из страны, и, оставшись на месте, стала ядром крупнейшей националистической партии, боровшейся против британского господства – “вафд” (по-арабски делегация). Наконец, “Совет Десяти” так и не услышал голоса самой Турции, поскольку побежденных при выработке основополагающих документов версальской системы вообще не спрашивали. Лишь в июне 1919 г. великий визирь Дамад Ферид-паша, один из видных членов “Общества Друзей Англии” появился в Париже со своим меморандумом (сохранение довоенных границ при автономии арабов), лишь для того, чтобы получить безжалостный ответ – союзники по своему усмотрению определяют судьбу районов империи, населенных не турками²⁵. В этот момент в Анатолии уже начинало развиваться турецкое национальное движение во главе с генералом М. Кемаль-пашой, которое с самого начала стало добиваться своих целей не длинными меморандумами, а силой оружия.

Меморандумы национальных делегаций “Советом Десяти” даже не обсуждались, а передавались в многочисленные комитеты экспертов. По результатам их докладов союзники должны были принимать решения. Пожалуй, наиболее близким к принципу самоопределения оказалось принятое в марте решение по Сирии. Судьба этой страны вызывала наиболее ожесточенные англо-французские столкновения. Англичане указывали на свои договоренности с арабами и на существование администрации Фейсала в Дамаске, французы же настаивали на точном исполнении соглашения Сайкса – Пико и видели в Фейсале лишь английскую марионетку. В результате по предложению Вильсона было решено отправить в регион специальную комиссию для выяснения

¹⁷ Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference (далее – FRUS PPC), v. 1–13. Washington, 1943–1947, т. 3, р. 888 – 894; *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 2, с. 227–231.

¹⁸ FRUS PPC, v. 3, р. 1024–1028; *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 2, с. 236–241.

¹⁹ FRUS PPC, v. 4, р. 2–5.

²⁰ *Ibid.*, p. 161–170; *Gibbons H.A.* The New Map of Asia (1900–1919). New York, 1921, p. 198–205.

²¹ *Никольсон Г.* Указ. соч., с. 191.

²² FRUS PPC, v. 4, р. 147–157; *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989, с. 135.

²³ *Лазарев М.С.* Указ. соч., с. 137–138.

²⁴ *Матвеев (Бар-Маттай) К.П., Мар-Юханна И.И.* Ассирийский вопрос во время и после Первой мировой войны. М., 1968, с. 86–87.

²⁵ Meeting of Allied Supreme Council. 25/06/1919. – DBFP, ser. 1, v. 4, № 426, p. 645.

“пожеланий” местного населения²⁶. Первоначально она планировалась как межсоюзная, но когда Франция, а за ней и Великобритания отказались направлять в ее состав своих представителей, она стала чисто американской (“Комиссия Кинга – Крейна”).

Итак, практически все более-менее значимые национальные группы Османской империи в первые послевоенные месяцы выступили со своими политическими и территориальными требованиями, которые чаще всего были несовместимы друг с другом. При этом далеко не всегда имперские амбиции и интересы великих держав находились в прямом противоречии с национально-освободительными движениями. Эти движения, как и малые страны Юго-Восточной Европы объективно стали “действующими лицами” (актерами) международной политики, правда, с совсем неодинаковой степенью самостоятельности. Можно сказать, что шел процесс взаимной адаптации старых великих держав и новых “малых фигур”. Первые учились добиваться в общем-то старых целей новыми средствами, вторые – приспособливать свои “национальные идеи” к реалиям большой политики.

* * *

Как известно, непосредственным поводом для возникновения вооруженного турецкого национального движения послужила высадка греческих войск в Смирне 15 мая 1919 г., а также упорные слухи о намерении Антанты создать обширное армянское государство. Кемалистское движение с самого начала имело ярко выраженный антигреческий и антиармянский характер, что отразилось в резолюциях Эрзурумского и Сивасского конгрессов 1919 г.²⁷, а также, косвенным образом, в турецком “национальном обете” (февраль 1920 г.)²⁸. Турки готовы были терпеть на своей территории английских, французских и даже итальянских солдат, но не армянских или греческих. Соответственно, когда перед правительствами европейских держав встал вопрос об отношении к турецкому национализму, они одновременно должны были определиться со своими симпатиями в отношении христианских народов. Борьба против кемализма неизбежно предполагала опору на эти национальные меньшинства под лозунгом их защиты. Попытка примирения с ним неизбежно выглядела как “предательство” по отношению к грекам и армянам.

Всю остроту национальной проблемы в Турции первой ощутила на себе Франция. В сфере ее территориальных притязаний входила и Киликия, обещанная Франции по соглашению Сайкса – Пико. В Париже ее рассматривали как удачное дополнение к будущим владениям в Сирии, сулящее немалые экономические выгоды²⁹. Население этой области было смешанным, но до войны одной из самых значительных групп здесь были армяне – потомки жителей Киликийского царства, существовавшего в X–XIII вв. Во время войны на волне армянофильских настроений в составе французской армии был сформирован “армянский легион” численностью около 3000 человек. После перемирия его солдаты составляли около половины личного состава крайне малочисленных “французских сил Леванта”, на которые была возложена задача по контролю над французскими оккупационными зонами – западной (сирийское побережье) и северной (западная часть Киликии – Аданский вилайет). Армянские солдаты, одетые во французскую форму, зачастую не могли удержаться от сведения старых счетов, что, с их точки зрения, было вполне справедливо после резни армян 1915 г., устроенной турками³⁰. Поскольку жертв среди киликийских армян было все же меньше, чем среди восточноанатолийских, после перемирия десятки тысяч беженцев стали возвращаться в Киликию. В глазах мусульман все это служило достаточным доказательством французского “армянофильства”, несмотря на то, что французские власти всячески ста-

²⁶ FRUS PPC, v. 5, p. 1–14. *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 2, с. 241–254; *Никольсон Г.* Указ. соч., с. 123.

²⁷ *Кемаль М.* Указ. соч., т.1, с. 374–375, 380–381, 414–415.

²⁸ Там же, т. 2, с. 252–254.

²⁹ *Саакян Р.Г.* Указ. соч., с. 42–43.

³⁰ Там же, с. 88–89.

рались избежать такого истолкования своей позиции. Однако обстановка оставалась относительно спокойной до тех пор, пока англичане в конце 1919 г. не передали под французский контроль ряд дополнительных районов вокруг городов Мараш, Урфа и Айнтаб.

В конце января в районе Мараша вспыхнуло восстание мусульманского населения, которое носило одновременно антифранцузский и антиармянский характер³¹ и застигло французов врасплох. В этот момент новый французский премьер-министр А. Мильеран готовился к переговорам с союзниками об условиях “турецкого” мирного договора. Их начало под разными предлогами откладывалось уже более года, но все это время ни у кого не возникало сомнения, что условия мира будут самыми жесткими. Восстание в Мараше, бесславная эвакуация французского гарнизона и новая резня армян в Киликии, поставили под сомнение и политическую состоятельность Франции как “защитника” освобожденных от “турецкого ига” народов, и ее военную состоятельность как великой державы с обширными интересами на Ближнем Востоке. Поскольку киликийское восстание, несомненно, координировалось из Анкары – резиденции Мустафы Кемала, Франция лицом к лицу столкнулась с новой силой, победить которую она своими силами не могла (шла демобилизация), а уступить которой во всем не позволял великодержавный престиж.

Начались лихорадочные поиски компромиссного решения. В то время как в Лондоне, а затем в Сан-Ремо французские представители вместе с англичанами и итальянцами готовили поистине “драконовский” мир с Турцией, в Бейрут и Константинополь из Парижа шли телеграммы с указаниями французским верховным комиссарам “дать понять” кемалистам, насколько дружелюбно на самом деле Франция была настроена к Турции. Франция готова была даже сохранить в Киликии сначала турецкий “сюзеренитет”³², а потом и “суверенитет” (при сохранении своего влияния на дела провинции). Помощь армянскому населению следовало продолжать, но, по возможности, не придавать ей политического характера и не давать армянам втянуть Францию в “политику возмездия”³³. Иными словами, Мильеран хотел “купить” мир с кемалистами ценой минимальных уступок. Намеки успеха не имели, война продолжалась. В полной растерянности французы согласились на английский план захвата ряда правительственных зданий в Константинополе, якобы в ответ на расправы над армянами³⁴. В последний момент в Париже заколебались³⁵, и когда 16 марта 1919 г. эта акция была осуществлена одними британскими силами³⁶, в глазах французской публики она выглядела практически как антифранцузская³⁷. Ответом кемалистов было формирование альтернативного правительства в Анкаре. Затем вслед за Марашем пала Урфа, и ее французский гарнизон был истреблен вскоре после выхода из города³⁸.

Когда условия мирного договора были готовы, большая часть Киликии, включая столицу Адану действительно оказалась с турецкой стороны границы, а Сирии, т.е. Франции достались лишь Урфа, Айнтаб и Мардин. Но по особому англо-франко-итальянскому соглашению вся бывшая “синяя” зона на турецкой территории вплоть до Сиваса превращалась во французскую “сферу влияния”. Условия мира для турок сразу показались неприемлемыми, а для знакомых с обстановкой европейцев – невыполни-

³¹ Military Intelligence Report, 3/02/1920. – British Documents on Foreign Affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print (далее – B DFA). Ser. B. The Near and Middle East, v. 1. Washington, 1985, № 150, p. 258–259.

³² A. Millerand á H. Gouraud, 10/02/1920. – Documents diplomatiques français (далее – DDF), 1920, t. 1. Paris, 1997, № 98, p. 153–155.

³³ H. Gouraud á A. Millerand, 18/02/1920. – Ibid., № 133, p. 206–207.

³⁴ Meeting of Allied Foreign Ministers and Ambassadors, 27/02/1920. – DBFP, ser. 1, v. 7, № 4, 291–296; *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 2, с. 413–414.

³⁵ Earl of Derby to G. Curzon, 5/03/1920. – DBFP, ser.1, v. 13, № 11, p. 10.

³⁶ R. de Robeck to G. Curzon, 16/03/1920. – B DFA, ser.B, v. 1, № 158, p. 270–271.

³⁷ Le Temps, 16.IV.1920.

³⁸ H. Gouraud á A. Millerand, 24/04/1920. – DDF 1920, t. 1, № 398, p. 556.

мыми. Мильеран, который как раз готовился уничтожить правительство Фейсала в Дамаске, нуждался в спокойствии на киликийском фронте. Пока марионеточное проанглийское правительство в Константинополе тянуло время до неизбежного подписания договора, в Анкаре французский представитель заключил 20-дневное перемирие с кемалистами³⁹. Появилась надежда, что оно перерастет в более прочное соглашение, но колониальные привычки взяли верх: на Гераклейском полуострове, где располагались французские угольные концессии, был высажен французский десант, а в Адане арестован турецкий губернатор. Перемирие было прервано турками. Рассерженный Мильеран, не отличавшийся особыми симпатиями к грекам, выразил надежду, что их новое наступление “даст Кемалю урок, которого он заслуживает”, и сделает его “более сговорчивым”⁴⁰.

Подписание договора в Севре 10 августа 1920 г. не изменило ситуацию. Кемалисты сразу объявили договор “несуществующим” и продолжили борьбу на всех фронтах. Между тем, Мильеран, французский соавтор договора, в сентябре перебрался в Елисейский дворец. Его преемник в кресле премьер-министра и министра иностранных дел, Ж. Лейг уже не считал себя обязанным поддерживать этот документ. Он воспользовался первым поводом (поражение дашнакской Армении в войне против кемалистов и возможное возвращение на греческий трон “германофила” Константина, свергнутого Антантой в 1917 г.), чтобы открыто заговорить о его пересмотре⁴¹.

К этому времени для французского общественного мнения и прессы стала очевидной невыгодность Севрского договора для Франции. Главным французским “активом” в Османской империи были займы, выданные некогда турецкому правительству. 60% всех довоенных долгов Турции приходилось на французских кредиторов, между тем после перемирия по этим облигациям не было выплачено ни сантима. Как государство – рантье Франция была заинтересована в сильной и жизнеспособной Турции с эффективным правительством. Постепенно стало крепнуть убеждение, что таким правительством могли бы стать кемалисты. Францию особенно настораживало возможное сближение кемалистов с большевиками. В Париже в первых контактах Анкары с Москвой видели вынужденный шаг Кемаля, продиктованный отсутствием иных союзников. Между тем, при соответствующей французской поддержке, кемалистская Турция, считали в Париже, могла стать барьером на пути распространения большевизма, который, наряду с германским реваншизмом, продолжал оставаться для Франции главным врагом.

Можно сказать, что, начиная с сентября 1920 г., каждое новое французское правительство было более туркофильским, чем предыдущее. Если Ж. Лейг сумел лишь добиться от союзников формального отказа от поддержки Греции в войне против Анкары, то А. Бриан готов был пойти на прямое сближение с кемалистским правительством “через голову” Константинополя. Случай представился в феврале – марте 1921 г., когда в Лондоне проводилась конференция по разрешению греко-турецкого конфликта с участием трех держав Антанты, двух турецких правительств и самой Греции. Провал официальной конференции был очевиден с самого начала – слишком несовместимы были позиции воюющих сторон⁴². Но неофициальные франко-турецкие переговоры шли весьма динамично. Правда, цена, которую турки просили за мир на сирийской границе, подчас казалась французам слишком высокой: включение в турецкую территорию значительной части Багдадской железной дороги⁴³. Но французам пришлось уступить, поскольку альтернативой была война, на которую Палата Депутатов не соглашалась ассигновать деньги. Бриану удалось включить в текст согла-

³⁹ Кемаль М. Указ. соч., т. 3, с. 87–88.

⁴⁰ A. Millerand à H. Gouraud, 1/07/1920. – DDF, 1920, t. 2, № 166, p. 214–215.

⁴¹ См. подробнее: *Фомин А.М.* Англо-французские отношения и проблема ратификации Севрского договора. – Вестник МГУ, серия “История”, 2004, № 5, с. 29–53.

⁴² Кемаль М. Указ. соч., т. 3, с.346; Meeting of Allied Representatives, 24/02/1921. – DBFP, ser. 1, v. 15, № 22, p. 189–193.

⁴³ Kammerer à de Caix, 11/03/1921. – DDF, 1921, t. 1, № 197, p. 310–313.

шения, подписанного с турками 11 марта, пункт об экономических привилегиях для французского капитала в южных районах Турции. В этом проявилось своеобразное французское “кредо”: раз турки так плохо воспринимают понятия “мандат” и “сфера влияния”, Франция сможет “получить эти вещи, не используя этих слов”⁴⁴. Сам Бриан признавался Керзону, что желаемые концессии можно получить от турок без упоминания “сфер влияния”⁴⁵. Но именно экономические статьи лондонского договора с Францией и аналогичного соглашения с Италией послужили причиной отказа от них Анкары. Подписавший их министр был отправлен в отставку. Бриан же не изменил своего курса, в правильности которого его убедила крупная победа турецких войск над греками на р. Сакарья в августе 1921 г. В итоге специальный посланник Бриана в октябре того же года заключил в Анкаре новое франко-турецкое соглашение, не содержащее намеков на “сферы влияния”⁴⁶.

Анкарский договор предусматривал полный отказ Франции от Киликии. В связи с этим перед Францией встал вопрос, как относиться к армянскому населению. Армянские политические деятели в Адане, объединенные в “Национальный Союз” во главе с М. Дамадяном, все еще рассматривали Францию как свою опору, но при этом они выдавали желаемое за действительное. Еще в августе 1920 г. они решились на безрассудный шаг – захватив здание местной администрации в Адане, провозгласили создание “независимой Киликии” под французским покровительством. Французы приняли меры, чтобы “прекратить эту комедию” и прервали всякие отношения с политическими организациями армян, поддерживая контакт только с церковью⁴⁷. И все же один из сотрудников французского МИД в марте 1921 г. резко критиковал киликийскую оккупационную администрацию полковника Бремона за то, что она проводила политику “более проармянскую, чем французскую” в то время как в первую очередь следовало завоевать симпатии турецкого населения⁴⁸. Судьба армян была главным аргументом англичан, когда они весьма эмоционально протестовали против Анкарского договора как сепаратного мира с врагом⁴⁹. Но нельзя сказать, что французов совсем не беспокоила эта проблема, они лишь не хотели жертвовать французскими жизнями для спасения армянских. В Анкарском договоре был пункт о “гарантиях” для национальных меньшинств Киликии, которые примерно соответствовали аналогичным обязательствам, принятым рядом стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Французы опасались наплыва армянских беженцев в Сирию и старались избежать такого развития событий, обеспечив мирную эвакуацию Киликии⁵⁰. Это, впрочем, не удалось, и область вскоре лишилась армянского населения.

Экономические интересы в Киликии (плантации хлопка, медные рудники и др.) связали Францию с политическими интересами местных армян, пока была надежда на прямой контроль над этой областью. Но Франция не могла допустить, чтобы армянские политики использовали ее в своих целях, сколь бы благородными эти цели ни казались. Экономические интересы в Турции в целом (прежде всего, безопасность займов) толкали Францию навстречу турецким националистам, и эти интересы оказались важнее.

После Анкарского договора французская политика окончательно стала “протурецкой”. Новый премьер-министр Р. Пуанкаре игнорировал попытки Керзона спасти остатки Севрского договора, навязав кемалистам “посредничество” Антанты в греко-

⁴⁴ Note de M. Escande. 1–10/03/1919. – Ibid., № 258, p. 404–408.

⁴⁵ Meeting of British, French and Italian Representatives, 18/06/1921. – DBFP, ser.1, v. 15, № 88, p. 589.

⁴⁶ Международная политика..., ч. 3, кн. 2, с. 115–116.

⁴⁷ *Moumjian G.K.* Cilicia under French Mandate, 1918 – 1921. – http://www.armenian_history.com/Nyuter/HISTORY/G_Moumjdian/Garabet_M_Cilicia_under_French_mandater_1918_1921.htm

⁴⁸ Note de M. Escande. 1–10/03/1919. – DDF, 1921, t. 1, № 258, p. 404 – 408.

⁴⁹ G. Curzon to Saint Aulaire, 3/11/1921. – Архив внешней политики Российской империи (далее. – АВПРИ), ф. Национальный архив Индии, сер.А, д. 217, л. 24–28.

⁵⁰ Briand á Gouraud, 20/10/1921. – DDF, 1921, t. 2, № 279, p. 433 – 434.

турецкой войне⁵¹. Оружие и деньги почти открыто поставлялись из Франции в Анатолию. Когда в марте 1922 г. в Париже между союзниками по Антанте обсуждались “компромиссные” предложения по мирному урегулированию, Пуанкаре вел себя так, будто он представлял Турцию, а не Францию. В частности, он требовал полной эвакуации греческих войск из Малой Азии еще до начала мирных переговоров⁵². Когда же стараниями Керзона предложения все же были выработаны, Пуанкаре сразу отказался рассматривать их как окончательные. Летом 1922 г. французский эмиссар в Анкаре полковник Мужен соревновался с советским представителем С.И. Араловым в любезностях по отношению к Кемалю и новой Турции⁵³. Французские военные эксперты участвовали в разработке плана решающего наступления турецких армий против греков⁵⁴, которое в двухнедельный срок решило исход войны и судьбу христианского населения Западной Анатолии. Своей кульминации “туркофильство” Пуанкаре достигло во время чанакского кризиса октября 1922 г., когда французские войска были выведены из стратегически важной крепости на азиатском берегу Дарданелл, оставив англичан один на один с армией Кемалья⁵⁵.

На Лозаннской конференции при выработке окончательных условий мира Францию ждало жестокое разочарование. Турки охотно пошли на уступки англичанам в вопросе о статусе Проливов, но в принципиально важных для Франции экономических и финансовых вопросах они проявили чрезвычайное упорство. Дело дошло до того, что в начале 1923 г. конференция прервала работу, причем Керзон повернул дело так, что виноваты в этом оказались французы и итальянцы. Когда же работа была возобновлена, французам, по выражению Г.В. Чичерина, оставалось “барахтаться в дальнейших переговорах”⁵⁶, постепенно сдавая свои позиции на фоне испортившихся из-за рурского кризиса отношений с Великобританией. Лозаннский договор был очевидным поражением Франции, чье длительное “туркофильство” осталось невознагражденным. Попытка Парижа использовать турецкое национальное движение в своих интересах потерпела полный провал. Раздраженный Пуанкаре долго оттягивал ратификацию договора, который вступил в силу лишь в 1924 г. при левом правительстве Э. Эррио.

* * *

Если для Франции из-за киликийских событий турецкая проблема долгое время представляла в “армянском” облике, то для Великобритании она имела, прежде всего, “греческое” измерение.

В Греции планы приобретения значительных территорий в Малой Азии и Фракии были частью “великой идеи” – специфической доктрины, которая ставила целью внешней политики страны частичное восстановление владений Византийской империи, населенных греками⁵⁷. Многочисленные и богатые греческие колонии в Смирне, Айвалии, Трабзоне и самом Константинополе придавали этой доктрине известную легитимность с точки зрения принципа самоопределения. На мирной конференции речь

⁵¹ *Sonyel S.R.* Turkish Diplomacy, 1918–1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London, 1975, p. 161 – 162.

⁵² Meeting of British, French and Italian Representatives, 23/03/1922. – DBFP, ser.1, v. 17, № 562, p. 691.

⁵³ *Dumont P.* L'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925). – La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. Paris, 1981, p.80 – 81; *Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата 1922–1923. М., 1960, с. 122–123.

⁵⁴ *Dumont P.* Op. cit., p. 104.

⁵⁵ *Cumming H.H.* Franco-British Rivalry in the Post War Near East. The Decline of French Influence. London, 1938, p. 177; Hardinge to Curzon, 19/09/1922. – DBFP, ser. 1, v. 18, № 35, p. 33–34.

⁵⁶ *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 246.

⁵⁷ *Улуян А.А.* Политическая история современной Греции. М., 1998, с. 59.

шла, прежде всего, о Смирне с прилегающим районом и Восточной Фракии. Греческому руководству, в первую очередь Э. Венизелосу, удалось убедить часть британских официальных лиц и самого Д.Ллойд Джорджа в исключительной выгодности “великой идеи” для Великобритании.

“Филэллинство” британского премьер-министра поистине не знало границ. Свою политику на востоке Средиземноморья он прочно связал с успехами Греции, в которой видел надежного союзника Лондона и, выражаясь современным языком, “регионального лидера”. Именно стараниями Ллойд Джорджа было получено согласие Парижской конференции на роковую высадку греческих войск в Смирне в мае 1919 г.⁵⁸ При подготовке Севрского договора британский премьер-министр употребил все усилия для расширения греческой территории – ее граница должна была пройти в нескольких километрах от Константинополя, а временное сохранение турецкого “сюзеренитета” в Смирне было пустой формальностью. Венизелос не оставался в долгу. Когда началась война в Киликии и союзники поняли, что не смогут сами справиться с турецким национализмом, он любезно предложил свои услуги⁵⁹. В июне 1920 г. Ллойд Джордж с готовностью и Мильеран нехотя приняли это предложение, и на конференциях в Хите и Булони Греция получила “мандат” на военные операции против кемалистов за пределами смирнской зоны⁶⁰. С этого момента ее роль принципиально изменилась. Если раньше греческие солдаты отстаивали лишь территориальные притязания самой Греции, то теперь они стали главным орудием Антанты, а точнее – Великобритании против Кемала.

Падение кабинета Венизелоса и возвращение к власти короля Константина осенью 1920 г. серьезно осложнило внешнеполитическое положение Греции. Французы воспользовались этим обстоятельством, чтобы поставить вопрос о пересмотре Севрского договора⁶¹. Позиция Лондона была прямо противоположна – важны не люди, а политика, которую они проводят⁶². Константин и его приближенные, забыв прежние обиды, могли быть такими же верными орудиями в британских руках, каким был Венизелос. Сам опальный политик убеждал англичан, что “Севрский договор должен быть спасен любой ценой”⁶³. Керзону и Ллойд Джорджу удалось отбить дипломатический натиск Лейга, но всякая союзная помощь Греции была прекращена.

Когда первые победы националистов заставили англичан созвать уже упоминавшуюся Лондонскую конференцию в апреле 1921 г., Ллойд Джордж еще не утратил надежды на то, что вопрос решится силой греческого оружия. Нежелание греческих представителей идти на уступки во многом объяснялось тем, что через своего секретаря Ф. Керра Ллойд Джордж давал им понять, что поддерживает новое наступление в Малой Азии⁶⁴. С этого момента сложилась парадоксальная ситуация – две союзные державы (Великобритания и Франция) при формальном нейтралитете фактически поддерживали разные воюющие стороны: греков и турок. Впечатляющие первоначальные успехи греческого наступления буквально окрылили Ллойд Джорджа⁶⁵, но разгром на Сакарье означал крах его политики в турецком вопросе. Позиционная война тянулась еще целый год, но Ллойд Джордж старательно избегал любого участия в этих событиях. К 1922 г. ресурсы Греции были на исходе, слабость ее армии была очевидна, и время работало против нее. Последним проявле-

⁵⁸ *Mantoux P.* Les délibérations du Conseil des Quatre. 24 Mars – 24 Juin 1919, t. 1. Paris, 1954, p. 455–456, 485–488, 511–512; t. 2, p. 34, 39–44, 51–52.

⁵⁹ Berthelot á Millerand, 19/03/1920 – DDF 1920, t. 1, № 265, p. 390–393; Millerand á Cambon, 3/04/1920. – Ibid., № 332, p. 475.

⁶⁰ DBFP, ser. 1, v. 8, p. 307, 313, 346.

⁶¹ *Черчилль У.* Мировой кризис. М., 2003, с. 441.

⁶² Memo by H. Nicolson, 20/11/1920. – DBFP, ser.1, v. 12, № 439, p. 514–519.

⁶³ Ibid., p. 527–529.

⁶⁴ *Cosmin S.P.* Dossiers secrets de la triple Entente. Grece 1914–1922. Paris, 1969, p. 400.

⁶⁵ *Smith M.L.* Ionean vision. Greece in Asia Minor, 1919–1922. London, 1973, p. 226.

нием “филэллинства” Ллойд Джорджа стала импровизированная речь в парламенте в августе 1922 г.⁶⁶

Далеко не весь британский кабинет разделял филэллинские симпатии Ллойд Джорджа. Его главным оппонентом был министр по делам Индии Э. Монтегю, чье “туркофильство” объяснялось тем, что в Индии среди мусульманского населения существовало достаточно мощное “халифатское движение”. Его представители, наряду с чисто индийскими требованиями, выдвигали лозунг “защиты халифа”, которым с начала XVI в. считался турецкий султан. Опасность утратить лояльность 60 миллионов индийских мусульман, которые традиционно служили опорой британского господства в стране, заставляла Монтегю отстаивать интересы Турции в Лондоне. Именно благодаря настойчивости Монтегю британский кабинет вопреки мнениям Ллойд Джорджа и Керзона в январе 1920 г. решил сохранить за турецким султаном Константинополь⁶⁷, что нашло затем отражение в Севрском договоре. Впоследствии Монтегю крайне болезненно воспринимал любые намеки на британскую поддержку антитурецких сил. Слухи о британском займе Греции (оказавшиеся ложными) побудили его весной 1922 г. публично отмежеваться от ближневосточной политики кабинета и уйти в отставку⁶⁸. Туркофильство Монтегю вовсе не означало его симпатий к кемалистам, которых он (наряду с египетскими и индийскими националистами, а также панисламистами) считал одним из элементов гигантской политической кампании против Британской империи, руководимой из Москвы. В таком свете ситуация изображена в письме, направленном министерством по делам Индии в Форин оффис еще в декабре 1921 г.⁶⁹ Программа Монтегю заключалась во всемерной поддержке авторитета турецкого султана-халифа с целью фактического управления через него всем мусульманским миром.

Промежуточную и, пожалуй, наиболее взвешенную позицию занимал лорд Керзон, с осени 1919 г. возглавлявший Форин оффис. Он никогда не разделял филэллинских симпатий Ллойд Джорджа, был против высадки в Смирне и считал, что свое доминирующее положение в побежденной Османской империи Великобритания должна, по возможности, обеспечивать сама. Однако когда греческое присутствие в Малой Азии стало фактом, он готов был использовать его в британских интересах, но практически не заботясь о притязаниях самой Греции. После Сакарьи Ллойд Джордж фактически самоустранился от ближневосточных дел, Керзон же решил сыграть в греко-турецком конфликте излюбленную британскую роль посредника. Для начала он заручился обязательством греческого премьер-министра Д. Гунариса полностью доверить судьбу своей страны Антанте (фактически – Великобритании)⁷⁰. Затем он приступил к подготовке такого плана пересмотра Севра, в котором все уступки туркам делались в основном за счет Греции, а главные выгоды Великобритании сохранялись⁷¹. Поскольку кемалисты своим главным врагом считали именно Грецию, Керзон надеялся, что такой план был бы для них приемлем. Таким образом, роль Греции снова изменилась. Она была уже не орудием борьбы с кемалистами, а только “козырем” Англии на предстоящих переговорах с ними.

Керзон, однако, недооценил степень заинтересованности своих партнеров по Антанте в турецкой победе. Как отмечалось выше, план “посредничества”, предложенный Керзоном, провалился во многом благодаря Пуанкаре. На Лозаннской конференции Керзону все же удалось частично восстановить британский престиж на Востоке,

⁶⁶ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons, ser. 5, v. 157. London, 1922, col. 2003–2006.

⁶⁷ Черчилль У. Указ. соч., с. 426

⁶⁸ *Sonyel S.R.* Op. cit., p. 149–150.

⁶⁹ АВПРИ, ф. Национальный архив Индии, сер. А, д. 220, л. 11–20.

⁷⁰ Meeting between Marquess Curzon and Greek Representatives, 27/10/1921. – DBFP, ser. 1, v. 17, № 425, p. 456–458; Meeting between Marquess Curzon and Greek Representatives, 2/11/1921. – *Ibid*, № 431, p. 460–461.

⁷¹ *Sonyel S.R.* Op. cit., p. 149.

добившись международного контроля над Проливами и фактически обеспечив сохранение за Ираком (т.е. за Англией) нефтеносного района Мосула, вынеся этот вопрос за рамки конференции⁷². Греция после окончательного разгрома своих войск в Анатолии уже не играла никакой роли. Попытка реализовать “великую идею” завершилась принудительной депортацией в форме “обмена населением”.

* * *

Как уже отмечалось, наиболее последовательно “принципы Вильсона” на Парижской мирной конференции были применены к арабскому населению Сирии, что выразилось в решении об отправке на место специальной комиссии. Ключевой фигурой здесь был эмир Фейсал – недавний вождь “арабского восстания”, а с октября 1919 г. – глава самопровозглашенного арабского правительства в Дамаске. На комиссию он возлагал большие надежды. По возвращении из Парижа в свою столицу, Фейсал торжественно объявил о скором приезде комиссии и призывал сирийцев отстаивать перед ней “полную и абсолютную” независимость своей страны⁷³. Вскоре, однако, Фейсал убедился, что державы твердо решили установить мандатный режим. После этого он в беседах с английскими офицерами стал всячески подчеркивать свое желание принять британский мандат⁷⁴.

В конце июня в Дамаске был созван Сирийский Конгресс. Его членами стали арабские выборщики, избравшие некогда депутатов османского меджлиса. Он считал себя правомочным действовать от имени населения всех трех оккупационных зон. Уже 2 июля Конгресс выработал единую программу для вручения ее американской комиссии. Этот документ стал известен как “Дамасская программа”. Сирия должна была стать “полностью и абсолютно независимой” федеративной конституционной монархией во главе с Фейсалом и включать всю территорию от Александретты до пустынь Аравии, и от Средиземного моря до рек Евфрат и Хабур. Выражалось согласие на мандат только как на техническую и финансовую помощь США или Великобритании, но не Франции. Также выражалось требование аннулирования всех договоров и обязательств великих держав по разделу арабских земель, в том числе “Декларации Бальфура”, протест против планов сионистов в отношении Палестины и вообще любых попыток отделить Палестину или Ливан от Сирии. Отвергалась ст. 22 Устава Лиги наций, где арабы рассматривались как недостаточно развитый для полной независимости народ. Также выдвигалось требование независимости Месопотамии и ее таможенного союза с Сирией⁷⁵. Эта программа, по сути, стала базовым документом арабского национализма.

Американская комиссия Кинга – Крейна в июне – июле 1919 г. посетила Палестину, Сирию, Ливан и Киликию. Методика ее работы состояла в сборе как можно большего числа устных и письменных заявлений и пожеланий от лиц, представлявших какую-либо группу населения. Три четверти всех прошений так или иначе повторяли положения Дамасской программы. Пристрастия респондентов, разумеется, различались в зависимости от места их проживания, религиозной и этнической принадлежности. Единственной надежной опорой Франции оказалась ее давняя “клиентела” – католики-униаты, прежде всего марониты. Главными противниками французской экспансии были мусульмане – сунниты, которые активнее всего поддерживали “Дамасскую программу”. Православная община разделилась – часть ее поддержала Францию, часть – Фейсала и Великобританию. Шиитские общины друзов, алавитов и метавилов беспокоились, прежде всего, о собственной автономии, причем друзья сохранили традиционные связи с Великобританией. Работа комиссии проходила в

⁷² *Nicolson H. Curzon: the Last Fase. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1937, p. 327*

⁷³ Цит. по *Луцкий В.Б. Арабский вопрос и державы – победительницы в период Парижской мирной конференции (1918–1919). – Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.*

⁷⁴ *Clayton to Curzon, 5/06/1919. – DBFP, ser. 1, v. 4, № 182, p. 265.*

⁷⁵ *Diplomacy in the Near and Middle East. 1914–1956. Ed. by J.C. Hurewitz, v. 2. Princeton, 1956, p. 63–64.*

обстановке крайнего политического возбуждения, агрессивной пропаганды и политического давления со стороны англичан, арабов и особенно французов. Рекомендации комиссии сводились к нескольким простым положениям. Вся Сирия (в том числе Ливан и Палестина) должна быть передана под мандатное управление одной державы – США или Великобритании, но ни в коем случае не Франции. Ей лишь в крайнем случае можно будет предоставить мандат на Ливан хотя и это было нежелательно. Кинг и Крейн нашли также веские основания для американского мандата на Армению, Анатолию, Проливы и даже Месопотамию⁷⁶. С чисто американской точки зрения эти планы мало что значили – в США набирала силу изоляционистская оппозиция, и все наблюдатели считали практически невероятным принятие Америкой мандатов на Востоке.

Великобритании комиссия Кинга – Крейна была выгодна только с точки зрения трудностей, которые она могла создать для Франции на Востоке. Но к концу лета англичане начали терять интерес к правительству Фейсала. Одна из главных целей их интриг с эмиром состояла в том, чтобы заставить французов пойти на еще большие территориальные уступки по сравнению с соглашением 1916 г. при окончательном разграничении. Чаще всего упоминались область Хауран к югу от Дамаска и оазис Пальмира (Тадмор). Через эти места англичане намеревались проложить “чисто британские” нефтепровод и железную дорогу из Мосула к Средиземному морю⁷⁷. Однако французы, пожертвовав своими “правами” в Мосуле и Палестине, не соглашались на дальнейшие уступки, а Великобритания стояла перед острой проблемой демобилизации и, следовательно, сокращения военных обязательств. Поэтому было решено перейти от стараний вытеснить Францию из Сирии к попытке договориться с ней об экономическом сотрудничестве после раздела арабских земель. Результаты работы комиссии Кинга – Крейна были проигнорированы. А. Бальфур писал: «Согласно общепринятому мнению, есть только три возможных мандатария – Англия, Америка и Франция. Собираемся ли мы “руководствоваться, в основном, пожеланиями населения”, решая, кого из них выбрать? Мы не собираемся делать ничего подобного. Англия отказалась. Америка откажется. Итак, чего бы ни пожелали жители, они непременно получают Францию. Они могут свободно выбирать, но на самом деле никакого выбора у них нет»⁷⁸. Таков был лаконичный итог арабского “национального самоопределения”.

В середине сентября 1919 г. было достигнуто “временное соглашение” о замене британских войск на французские в Сирии и Киликии, причем внутренние районы Сирии оставались под контролем Фейсала⁷⁹. К этому времени США практически самоустранились от решения проблем “Старого Света”, а европейские лидеры не считали нужным дальше прикрываться лозунгом “самоопределения”. Когда Фейсал прибыл в Европу, англичане отказались разговаривать с ним о территориях во французской “сфере влияния”⁸⁰, а французы в декабре 1919 г. заставили подписать договор, фактически превращавший Сирию во французский протекторат⁸¹. Вернувшись в Дамаск, Фейсал не решился даже обсуждать его со своими приближенными и 8 марта 1920 г. второй Сирийский Конгресс провозгласил его королем независимой Сирии, включавшей и Палестину⁸², что только ускорило развязку. В конце апреля на конференции в Сан-Ремо было объявлено о распределении мандатов, а спустя три месяца фран-

⁷⁶ The King – Crane Commission Report, August 28, 1919. – <http://www.atour.com/government/un/20040205g.html>

⁷⁷ Territorial Arrangements in Mesopotamia and Syria. Report of Meeting on 25/03/1919. – RS, v. 1, p. 450–455.

⁷⁸ Memo by A. Balfour, 11/08/1919. – DBFP, ser. 1, v. 4, № 242, p. 340–346.

⁷⁹ Aide-memoire in Regard to Occupation of Syria, Palestine and Mesopotamia in Regard to Mandates, 13/09/1919. – Ibid., v. 1, p. 701, 690–693; RS, v. 1, p. 644.

⁸⁰ DBFP, ser. 1, v. 4, p. 396–404, 458–463, 467–469.

⁸¹ *Houry G.* La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne. Paris, 1993, p. 313–318.

⁸² Allenby to Curzon, 13/03/1920. – DBFP, ser. 1, v. 13, № 219, p. 224–225.

цузские войска, разбив арабские отряды, при молчаливом согласии англичан изгнали Фейсала из Дамаска. Мильеран распорядился уничтожить “все следы” шерифского правления⁸³. Установленный французами в Сирии режим был насмешкой над “принципом самоопределения”. Страна была разделена на несколько “автономных государств”, целиком подчиненных французским чиновникам. Единственным связующим звеном был французский верховный комиссар.

В отношениях в треугольнике Великобритания – Фейсал – Франция наглядно проявились особенности арабского национального движения того периода, принципиально отличавшие его от турецкого. Главная из них заключалась в несамостоятельной позиции признанного лидера – эмира Фейсала. На протяжении всего периода от своего вступления в Дамаск вместе с англичанами до изгнания оттуда французами он написал множество длинных писем и меморандумов, адресованных британским официальным лицам, многократно высказывал свою точку зрения в устных беседах⁸⁴. Слова Фейсала были всегда проникнуты высоким патриотическим духом. Фейсал не жалел резких слов по отношению к Франции, подчинение которой было бы для арабов “рабством”, но по отношению к Великобритании его отличало преклонение, граничившее с раболепием. Он многократно подчеркивал, что желает установления британского мандата в Сирии даже после того, как в марте 1919 г. Великобритания устами Ллойд Джорджа публично заявила, что не примет такого мандата ни при каких обстоятельствах. Он пытался задержать уход британских войск из Сирии даже после того, как англичане твердо решили ее покинуть⁸⁵. Можно сказать, что Фейсал старался быть большим англофилом, чем сами англичане. Впрочем, не он один занимал такую позицию. Схожую политику проводили греческий премьер-министр Э. Венизелос и его преемники, а также лидер сионистов Х. Вейцман. Как мы видели, аналогичным образом лидеры киликийских армян в определенный момент попытались стать большими франкофилами, чем сами французы. Такая политика “навязывания” себя могущественным покровителям имела одну цель – создать ситуацию, когда “хвост вертит собакой”, сделать интересы великой державы неразрывно связанными с задачами данного национального движения. Практически всегда такие попытки были обречены на провал, что впоследствии давало повод говорить о “вероломстве” и “предательстве” сильных мира сего. Можно сказать, что из всех политических лидеров в ближневосточном регионе полностью самостоятельным в то время был лишь Мустафа Кемаль-паша.

Англофильство Фейсала, однако, не означало, что арабское национальное движение было полностью “агентурным”, как это постоянно пытались представить французы. Фейсал все время испытывал давление со стороны “экстремистов”, настаивавших на полной независимости в духе “Дамасской программы”. Эти “экстремисты” вовсе не собирались следовать в фарватере британской политики: они требовали независимости для Ирака и воссоединения Палестины с Сирией. В Лондоне постоянно осознавали опасность эволюции этого движения в сторону “ксенофобии” и “панисламизма”. Когда англичане в конце 1919 г. фактически отказались от всякой поддержки Фейсала, он оказался между французским “молотом” и арабской “наковальней”, что и привело к драматической развязке.

Следует сказать, что среди англичан тоже не было единства в отношении к Фейсалу и арабскому движению. Поначалу оно казалось идеальным инструментом для разрушения соглашения Сайкса – Пико под лозунгом “национального самоопределения”. Но когда такая политика стала угрожать открытым разрывом с Францией (чего в Лондоне вовсе не хотели), мнения разделились. Главнокомандующий “египетским экспедиционным корпусом” фельдмаршал Алленби и знаменитый “советник” Фейсала полковник Лоуренс настаивали на дальнейшей поддержке эмира. А. Бальфур и ряд

⁸³ Millerand á Gouraud, 29/07/1920. – DDF 1920, t. 2, № 263, p. 338.

⁸⁴ DBFP, ser. 1, v. 4, p. 383–388.

⁸⁵ Feisal to Curzon, 23/09/1919. – DBFP, ser. 1, v. 4, № 292, p. 412.

его подчиненных из Форин оффиса указывали на неизбежность французского мандата в Сирии и советовали не обострять отношений с союзником. Ллойд Джордж и Керзон, все время подчеркивая “антифранцузские” настроения в Сирии, все же склонялись к передаче мандата Франции, но так, чтобы она как следует почувствовала, из чьих рук она этот мандат получила. В конечном итоге сторонники Фейсала остались в явном меньшинстве.

После изгнания эмира из Дамаска англичане не забыли бывшего вождя “арабского восстания”. В марте 1921 г. организованная Черчиллем, ставшем к тому времени министром колоний, Каирская конференция британских колониальных деятелей приняла решение возложить на него корону Месопотамии⁸⁶, где методы непосредственного управления “в индийском стиле” вызвали антианглийское восстание в июле – сентябре 1920 г. В августе 1921 г. Фейсал взамен утраченной сирийской короны получил иракскую вопреки французским протестам. Видимость “самоопределения” и здесь была соблюдена – Фейсал был “избран” на роль короля самим населением Месопотамии. Правда, англичане позаботились о высылке из страны его главного потенциального конкурента, а о точном числе “голосов” в поддержку нового короля не имел представления даже Черчилль. Отец Фейсала Хусейн так и не признал раздела арабских земель на мандаты, отказался подписывать Севрский договор с Турцией и направил своего второго сына Абдаллу с войском в Сирию, чтобы вернуть трон Фейсалу. Англичане приняли меры, чтобы Абдалла остановился на полдороге – в небольшом черкесском селении Амман, чтобы затем стать эмиром невиданного доселе государства Трансиордания. Оно было призвано заполнить вакуум между Палестиной, где не без труда реализовывалась сионистская программа, Месопотамией, которая теперь именовалась по-арабски “Ирак”, французской Сирией и Аравией, где набирал силу давний враг Хашимитов эмир Неджда Абдулазиз ибн Сауд.

Утвердив на арабских престолах эмиров из Хашимитской династии, олицетворявших собой “арабское восстание”, англичане могли с большим основанием, нежели французы, утверждать, что новый режим опирается на “согласие управляемых”. Однако этого нельзя было сказать о Палестине, где арабская оппозиция сионистским планам создания еврейского государства впервые появилась уже в конце 1918 г.⁸⁷, с каждым месяцем только возрастала, а в мае 1921 г. вылилась в открытые столкновения с человеческими жертвами⁸⁸. Тем не менее, в первые годы после войны англичане на удивление мало уделяли внимания этому конфликту, надеясь, что интересы арабов и евреев можно будет примирить благодаря экономическим успехам новых поселенцев. Гораздо больше внимания уделялось длительным спорам с французами по поводу северной границы Палестины, которая, с английской точки зрения, должна была включать источники пресной воды для нужд еврейских поселений. Несмотря на очевидную опасность, Лондон всячески демонстрировал свою симпатию к сионизму. Текст “декларации Бальфура” был включен в Севрский договор, проект будущего мандата на Палестину составлялся при прямом участии сионистской организации и предоставлял ей в качестве “еврейского агентства” исключительные права в экономическом развитии страны⁸⁹, первым верховным комиссаром в Палестине был в июне 1920 г. назначен английский еврей Г. Сэмюэль⁹⁰. Определенные ограничения на сионистскую активность англичане стали накладывать лишь с 1922 г.

Позиции Франции в арабских частях Османской империи вообще оказались гораздо слабее английских. Французские колониальные и политические деятели любили

⁸⁶ *Klieman A.S.* Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore – London, 1970.

⁸⁷ *Laurens H.* La question de Palestine. 1799–1922. Т. 1. L'invention de la Terre Sainte. Paris, 1999, p. 423.

⁸⁸ *Лакер В.* Указ. соч., с. 289–290, 330–335.

⁸⁹ Mandate for Palestine. Art. 4, 11. – <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/palmanda.htm>

⁹⁰ *Laurens H.* Op. cit., p. 523.

говорить о давних “традициях” своего присутствия в Леванте, восходивших ни много, ни мало к Крестовым походам. И действительно Франция накануне войны имела в Османской империи самую большую сеть церковных миссий, школ, больниц, сиротских приютов и других учреждений подобного рода. Предметом особой гордости был французский “католический протекторат” – основанное на туманных формулировках капитуляций и на неписаной традиции право французских дипломатических агентов “покровительствовать” католическим религиозным учреждениям по всей империи и в особенности в Палестине⁹¹. Хотя “протекторат” давно уже оспаривался другими державами, во Франции он рассматривался как одно из незыблемых оснований дальнейшей экспансии на Востоке. Наконец, особенно важным в условиях роста популярности лозунгов “самоопределения” было наличие у Франции обширной “клиентелы” в лице различных христианских, особенно католических общин (маронитов, мелькитов и др.). Считалось, что благодаря давнему покровительству представители этих общин были безусловными сторонниками французского мандата. Если Фейсал старался сплотить вокруг своей фигуры всё население Сирии независимо от языка и религии, то французы при каждом удобном случае подчеркивали раздробленность этого населения, наличие в его составе множества сект и этнических групп со своими особыми интересами. Так, при обмене письмами между Фейсалом и Клемансо в апреле 1919 г., говоря о населении Сирии, Клемансо применял форму множественного числа, а Фейсал – единственного⁹². Как мы уже говорили, французам удалось “предъявить” Парижской конференции две делегации (сирийскую и ливанскую), которые заявили о своем “самоопределении” в пользу французского мандата.

Однако в ходе более чем полуторогодовой борьбы за Сирию все французские “традиции” в Леванте принесли Парижу мало пользы. “Католический протекторат” в Палестине был упразднен по настоянию англичан⁹³, а голоса французской “клиентелы”, как показал отчет американской комиссии, терялись на фоне громких антифранцузских заявлений, идущих из Дамаска. Одной из причин подобных настроений было хорошее знакомство многих сирийцев с французскими колониальными методами в Северной Африке. Французам оставалось лишь жаловаться на направленную против них “пропаганду”, которую вели неназванные британские и шерифские агенты. Лишь в Ливане было заметное профранцузское движение, поскольку местные христианские лидеры опасались попасть под власть мусульманской Сирии и к тому же надеялись расширить свою территорию по сравнению с довоенным автономным сандаком. Французы же, будучи уверенными в беспрекословной поддержке в Ливане, вели себя здесь крайне бесцеремонно. Они вмешивались в дела управления, в зависимости от обстоятельств то обещали ливанцам полную независимость, то склоняли их к участию в “Сирийской федерации” под французским мандатом, то пытались несмотря ни на что наладить контакт с Фейсалом, что в Ливане воспринималось весьма болезненно. Французы старались изобразить “беспристрастность” в местных межконфессиональных спорах, но очевидная враждебность мусульман заставляла их все больше опираться на христианские элементы, в особенности маронитов⁹⁴. Ливанские марониты были вознаграждены за свою верность “триколору”. В новом государстве “Большой Ливан” они, составляя меньшинство населения, получили значительные политические преимущества⁹⁵.

* * *

Итак, взаимоотношения ведущих держав Антанты с национальными движениями народов Османской империи после окончания Первой мировой войны имели доста-

⁹¹ *Ferragu G.* Eglise et diplomatie au Levant au temps des Capitulations. – <http://rives.revues.org/document67.html>

⁹² Correspondence of April – May 1919 Between Emir Feisal and M. Clemenceau. – DBFP, ser. 1, v. 4, p. 251–253.

⁹³ Meeting of Allied Representatives, 24/04/1920. – *Ibid.*, v. 8, p. 159–171.

⁹⁴ *Zamir M.* The Formation of Modern Lebanon. London, 1985, p. 62–67.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 97–102.

точно сложный характер. Их нельзя охарактеризовать ни как отношения угнетателей и борцов с угнетением, ни как отношения “кукловодов” и марионеток. Объективно Лондон и Париж с одной стороны, национальные лидеры – с другой преследовали совершенно разные цели. Первые стремились к контролю над экономической жизнью, природными ресурсами и стратегическими пунктами побежденной Османской империи и отдельных ее частей, вторые – к созданию национальных государств или, по меньшей мере, автономий. Однако на определенном этапе тактические цели двух европейских правительств и некоторых национальных лидеров оказались совпадающими. Великая война сделала невозможным неприкрытый захват ближневосточных территорий по “праву сильного”. После деклараций Вильсона подобные действия должны были опираться хотя бы на видимость “согласия управляемых”, для чего лояльно настроенные национальные лидеры вроде Фейсала или Венизелоса были незаменимы. Сами же эти лидеры понимали, что в тех условиях добиться создания или расширения национальных государств можно было только с помощью держав-победительниц.

В результате в определенный момент сложился некий симбиоз между европейскими правительствами и отдельными национальными движениями. Такую форму сотрудничества безусловно неравноправного, точнее всего можно охарактеризовать как отношения “патрон – клиент”. “Клиент” (малая держава, национальное движение) предоставляет в распоряжение “патрона” (великой державы) свои ресурсы (человеческие и политические), а “патрон” оказывает “клиенту” материальную помощь, отстаивает его интересы в международных делах в той мере, насколько они не противоречат его собственным. Провозглашение “принципа национального самоопределения” сначала Соединенными Штатами, а потом и европейскими державами Антанты очевидно, было рассчитано на то, чтобы повысить свою “привлекательность” для потенциальных “клиентов”. Малая держава вроде Греции или национальный лидер вроде Фейсала до определенного момента могли, субъективно стремясь к достижению собственных целей, на практике способствовать успеху великой державы. Степень зависимости “клиента” от “патрона” могла быть различной. Даже Кемаль понимал, что без внешней поддержки его цели будут труднодостижимы, но ему удалось избежать зависимости от своих зарубежных друзей, главным образом за счет умелой игры на противоречиях между ними (в первую очередь – между Советской Россией и Францией). Как мы уже говорили, со стороны национальных лидеров были попытки сделать эту зависимость двусторонней – заставить “покровителя” идти в отстаивании интересов “клиента” дальше, чем этого требовали его собственные интересы. Такие попытки были чаще всего неудачными. Проведение внешней политики с опорой на таких “клиентов” требовало от великой державы большого дипломатического мастерства и выгодных “стартовых” позиций. Тем и другим Великобритания обладала в значительно большей степени, чем Франция. Сказалось и ее доминирующее положение на Ближнем Востоке к концу войны, и многолетний опыт “косвенного управления” в колониях, который в новых условиях был гораздо более пригоден, чем жесткие французские методы.

Как показали дальнейшие события, основной вектор развития ближневосточного региона состоял в создании независимых национальных государств. Когда в начале этого процесса европейские державы пытались ради собственных целей опереться на то или иное национальное движение, они, очевидно, старались остановить его на полпути и надолго удержать под своим контролем. Но в долгосрочной перспективе такая политика, даже вопреки воле европейских руководителей, способствовала движению стран региона к независимости.